

Н.М. Межевич, В.А. Смирнов

Структурные факторы формирования политических элит в государствах Прибалтики: 1991–2017

Политические элиты во многом определяют основной вектор развития государства. После распада СССР в постсоветских странах, в том числе прибалтийских, постепенно складывались новые властные группы. В статье представлены результаты исследования роли структурных факторов в формировании элит государств Балтии и их влияния на экономический и политический курс развития общества. Авторы показывают, что процесс образования политически активных кругов, выступивших своего рода драйверами трансформаций на исследуемых территориях, начался намного раньше обретения ими независимости.

Ключевые слова: страны Прибалтики, Латвия, Литва, Эстония, политические элиты, постсоветское пространство.

Десятилетия бурных политических преобразований в Восточной Европе после распада СССР и крушения коммунистической системы оказали значительное влияние на развитие мировой политической науки. Одним из главных вопросов, занимавших ученых, стал анализ всего комплекса взаимосвязанных изменений в политической жизни государств, в том числе условий и характера трансформации посткоммунистических обществ, процессов формирования новых и переформатирования старых элит, понимаемых преимущественно как демократизация. В самой постановке вопроса были заложены вполне конкретные ценностные ориентации исследователей, анализировавших политическую жизнь сквозь призму теории модернизации и идей прогресса. Падение коммунистических режимов в Восточной Европе рассматривалось как прогрессивное движение к консолидированной демократии.

Особое внимание привлекал опыт республик Прибалтики. Оценки постсоветского транзита в них косвенно свидетельствовали о ценности транзитологии как научного подхода в целом. При этом «изучение развития республик, входивших ранее в СССР, имеет для России значение, выходящее за пределы чисто научного интереса и человеческого любопытства. Во-первых, потому что эти страны – наши соседи. И не просто соседи. Длительное и относительно недавно закончившееся пребывание в едином государстве, в котором Россия была “ядром”, а Прибалтика – окраиной, но европейской окраиной, не может пройти бесследно. Его следствиями могут быть обиды, страхи и подозрительность, могут быть и чувства ностальгической сентиментальности, но оно еще долго будет придавать нашим отношениям большую интенсивность, чем отношениям с просто соседями»². Этот тезис подтверждается и простейшим контент-анализом прессы прибалтийских государств³. Значительная часть материалов по всем разделам, от глобальной политики до светской жизни звезд, – это рефлексия по отношению к тем или иным российским нарративам. Это свидетельствует о том, что Латвия, Литва и Эстония до сих пор не могут быть окончательно исключены из постсоветского пространства⁴.

В отечественной и западной политологической науке укрепилось мощное направление по изучению роли политических элит в трансформациях государств. Предметное поле теории элит вышло за рамки традиционной теории демократизации, позволило более полно представить процесс политических изменений – не столько как линейное движение по пути прогресса, сколько как сложную, многоаспектную борьбу различных политических сил, интересов и идей под воздействием внутренних и внешних факторов. Далеко не всегда эта борьба способствовала общественному и экономическому развитию, она порождала и множество побочных эффектов. Осмысливая данные феномены, теория элит позволяет отойти от оценки политических трансформаций на постсоветском пространстве единственно как демократизации, вскрыть более глубокие пласты произошедших изменений.

Формирование новой правящей элиты в бывших советских республиках происходило на иных, отличных от прежних принципах элитного рекрутирования. В результате слома старого порядка ключевые факторы, обеспечивавшие восходящую и нисходящую социальную мобильность в общественной иерархии, поменяли знак «плюс» на «минус». Произошла ломка государственных институтов и внешнеполитических ориентаций государств, переосмысление национальных интересов, глубокие, часто стихийные

изменения в экономике. Данные события сопровождались закономерными процессами смены политической элиты.

Страны Прибалтики в этом отношении представляют особый исследовательский интерес в связи с тем, что они, единственные из всех бывших советских республик, сумели полностью реализовать интеграционную программу по включению во все основные евро-атлантические структуры. В ее основе лежал прежде всего внутриэлитный консенсус, характер которого не ограничивался лишь идеалистическими устремлениями, но отражал и прагматическую потребность в удержании власти новыми правящими кругами. Этот тезис, строго говоря, характерен для механизмов функционирования любых элит, как посткоммунистических и постсоветских, так и вообще не относящихся к современным. В государствах Прибалтики процесс проходил со своей региональной исторической, экономической, географической спецификой. Масштаб влияния этих факторов на формирование, реформирование и функционирование элит оказался в этом регионе очень существенным.

Цель нашего исследования заключалась в том, чтобы показать роль структурных факторов в формировании элит и последующей выработке ими экономического и политического курса развития общества. Этот вопрос в российской науке был поставлен недавно и нуждается в региональной привязке и конкретизации. Случай государств Прибалтики интересен и тем, что здесь влияние внешнеполитических факторов подчас определяющее по отношению к внутренней политике элит. «Элитные группы в условиях современной трансформации общества, когда внутренняя политика все больше зависит от внешней, сталкиваются с рядом вызовов: усложнением механизмов управления, кризисом собственной легитимности, ослаблением вертикальной интеграции элит»⁵.

Следует выявить ключевые взаимосвязи между комплексом историко-географических, экономических факторов и функционированием элит государств Прибалтики. Отметим подход голландского ученого Франклина Анкерсмита, с точки зрения которого современные идеологии и их носители (элиты, наиболее влиятельные социальные группы) пренебрегают историей, считая, что она не имеет отношения к природе политики и сути политических проблем⁶. Однако не только история, но и экономика, география могут опосредованно влиять на характер формирования и функционирования элит.

Мы предлагаем выделить следующие ключевые географические, демографические, исторические и экономические предпосылки, влияющие на формирование и функционирование политических элит в государствах Прибалтики.

1. История Прибалтики в существенной степени имеет внешнюю, географическую обусловленность. Бедный ресурсами, небольшой по территории регион испытывал сильнейшее давление со всех четырех географических направлений. С юга и юго-востока – со стороны Киевской Руси, Полоцкого княжества, с востока – Новгородской и Псковской феодальных республик, затем – Московского царства, с севера – Швеции, с запада – религиозных орденов Дании, Германии, Польши. Балтийское море не являлось непреодолимой преградой для внешних сил и не могло играть роль естественной границы. При этом Балтийское море и Чудское озеро замыкали географическое пространство народов Прибалтики. Ее территория не могла дать своим этносам надежного рефугиума, пространства резервной локализации.

Мы видим в регионе сочетание относительно раннего для Европы этногенеза и поздней государственности. Первая предпосылка не может рассматриваться как собственно прибалтийская и уникальная. Речь идет о первенстве в географическом, точнее пространственном, освоении, которому де-факто присваивается статус установления политического контроля, что, естественно, неравнозначно. Эстонский и латышский менталитет во многом сформировался под влиянием природно-географических факторов. Земледелие в Эстонии и Латвии всегда осуществлялось в особо сложных условиях. Почвы здесь не просто неплодородные, но заболоченные, завалуненные, с минимальным содержанием гумуса. Сказать по поводу природных условий Эстонской и Латвийской республик «зона рискованного земледелия» недостаточно. Результативность сельского хозяйства – главной отрасли экономики на протяжении столетий – была достаточно низкой. В этих условиях количество труда, требовавшегося для получения единицы продукции, было качественно большим, чем в большинстве районов России, Литвы, Польши. Более того, вариативность экономического поведения здесь была вынужденно минимальной. Если в России крестьянина могло выручить собирательство, охота или рыболовство, бегство на Дон, Север или даже в Сибирь, то на земле Эстонии эти возможности отсутствовали. В XIX в. они появились, свидетельством этого стали эстонские деревни в Крыму и на Кавказе, на северо-западе России, однако ситуацию это уже не изменило.

Время автохтонного возникновения или перемещения эстонского этноса произвольно «сдвигается» на века, а иногда и на тысячелетия. Рассмотрим это на примере подходов к происхождению и этногенезу эстонского народа. В классической работе советской эпохи «История Эстонской ССР» Ю. Кахк и К. Сильвайск спра-

ведливо указывают на древнейшую культуру «боевых топоров» и ее временную локализацию – примерно 2200 лет до н. э. Далее очень осторожно авторы отмечают, что «балтские племена, носители культуры «боевых топоров», жили бок о бок с финно-угорскими охотниками и рыболовами около тысячи лет»⁷. Спустя пять лет коллектив авторов во главе с будущим премьер-министром⁸ писал о том, что первые люди, поселившиеся в Эстонии, пришли сюда не позднее 9500 лет назад, а эстонцы живут на своей земле «около пяти тысяч лет»⁹. Таким образом, концепция национальной уникальности максимально разворачивается в прошлое, становясь дополнительным аргументом для легитимации деятельности элит в настоящем, приобретая инструментальный характер.

2. Остзейская политико-правовая система предполагала двойное (и политическое, и этнокультурное) угнетение коренного населения (для Эстляндской, Лифляндской, Курляндской губерний). В остзейских губерниях национальный состав населения практически совпадал с социально-профессиональным. Если помещики, бюргерство, духовенство, лица свободных профессий и служащие были в основном представлены немцами, то крестьянство состояло из эстонцев. Органы государственной власти и управления – из немцев и русских. В Виленской и Ковенской губерниях была близкая ситуация. Крестьянство – литовцы, городское население – поляки и евреи, управление – поляки и русские.

3. Политическая элита формировалась во второй половине XIX – начале XX в. по уникальной модели: зажиточное крестьянство – мещанство («свободные люди», *Freie Leute*) – городской средний класс – национальная интеллигенция – политическая элита. К примеру, в 1909 г. на выборах в Рижскую городскую думу из 80 гласных было 54 нелатыша (немцы, русские, евреи) и 26 латышей¹⁰. Отмена крепостного права почти на полвека раньше, чем в остальных губерниях России, способствовала социальной и экономической дифференциации, а значит, формированию не остзейских и не пророссийских, а именно местных, национально ориентированных элит в Прибалтике.

4. В XIX в. сложилась экономическая модель, предполагающая высокую степень вовлеченности региона во внешнеэкономические отношения на всех географических направлениях. Так называемые «серые бароны» в Эстляндии, Лифляндии, Курляндии встроились в систему хозяйственных связей и интернационализировались ровно настолько, чтобы представлять общую картину мира в экономике и политике. Эти связи были во многом замкнуты на Швецию, Германию, затем Финляндию, что способствовало обретению

и укреплению независимости на следующем этапе исторического развития.

5. Формирование национальной государственности в 1918–1920 гг. произошло в условиях деструкции традиционных центров силы, а не продолжительной национально-освободительной борьбы. В этом контексте история Эстонии и Латвии и история Польши и Финляндии вряд ли сопоставимы. Процессы этнокультурной консолидации, а значит, и формирования политической элиты прошли в последних почти на столетие раньше, а успешный опыт парламентской демократии, эффективного государственного строительства был приобретен в рамках Российской империи.

6. Сформировавшаяся общность (Прибалтика) не была признана единомоментно. Категория «лимитрофы» так и не стала устойчивым обозначением для Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши. Министерство иностранных дел Великобритании (законодатель дипломатической практики в Европе после Первой мировой войны), в конечном счете предпочло рассматривать Финляндию как часть североευропейского региона, а Польшу – как часть Центральной Европы.

7. Политические режимы Прибалтики до середины 1930-х гг. были предельно неустойчивыми. В Эстонии в межвоенный период с 1919 по 1934 гг. сменился 21 кабинет министров. Кабинеты министров были коалиционными и, как правило, правыми. При этом крупнейшие фракции создавали социал-демократы и центристы – доступа к реальной власти, подчеркнем, не получавшие (в современной Эстонии и Латвии, кстати, такая же картина). В середине 30-х гг. в Прибалтике практически синхронно к власти приходят авторитарные режимы, распускаются политические партии, останавливается действие конституций. Однако эти авторитарные режимы были, по сути, «меньшим злом», остановив рвущиеся к власти полуфашистские и фашистские группировки, например эстонских вапсов и литовских «Железных волков». При этом межвоенные элиты были более разнообразными, динамичными и прагматичными, чем современные. Принципиально иная система стала складываться в государствах Прибалтики с начала 1990-х гг., где от принятия решений были отеснены неграждане (в Эстонии и Латвии). Отметим, что законодательство Эстонской Республики на 1938 г. (принятие новой Конституции) не предусматривало подобных дискриминационных мер. Примерно с 2004–2007 гг. динамизм партийно-политического строительства и изменений во властных группировках в государствах Прибалтики резко упал и для представителей титульных народов. Возможности социальных

и политических лифтов существенно сокращаются, элита поддерживает не расширенное, а суженное воспроизводство, происходит ее замкнутая циркуляция, «герметизация»¹¹, так как экономические и политические ресурсы, подлежащие перераспределению в рамках новых практик, закончились, и перед правящими группами встала задача не допустить конкурентов к инструментам власти.

8. На формирование и функционирование политических элит влияет и так называемый комплекс культурной травмы. «Лишение русских гражданских прав в международном понимании было таким жестоким делом, что для его “заглушки” потребовалось столь же сильное пропагандистское оружие. Этим оружием эстонцы провозгласили миф об оккупации», – пишет финская журналистка Леэна Хьетанен¹². «Конечно, можно понять исторические обиды, понять разное отношение к различным драматическим событиям. Но нельзя в наше время оправдать репродуцирование искаженного, негативного образа соседней страны и народа, формирование у молодежи чувства неприязни и нелюбви к ним, равно как и сознательное отступление от истины в преподнесении и оценке исторических событий и процессов»¹³. Подчеркнем, что восстановившая в это же время свою независимость Польша в 1920 г. действительно отстаивала ее с оружием в руках, подтвердив тем самым, что *только завоеванная свобода является осознанной необходимостью*. В 1939 г. Польша сражалась на западном направлении. Историк Ю. Кантор справедливо указывает на то, что в государствах Прибалтики в межвоенные годы не сформировалась «способность ценить независимость и отстаивать ее»¹⁴. Не является ли текущая политика властных групп государств Прибалтики желанием переписать историю и реабилитировать свои режимы, а значит, и свою элиту хотя бы в прошлом, обеспечить собственную легитимацию, пошатнувшуюся из-за ухудшающегося социально-экономического положения, с помощью переписывания истории?

9. В этом контексте отметим, что одной из ключевых категорий, задавшей общую теоретическую рамку для большинства исследований роли элит на пространстве Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), в том числе государств Прибалтики, стало понятие «соглашение элит» (*elite settlements*), активно разрабатывавшееся в элитологической парадигме американскими учеными М. Бартоном и Дж. Хигли. Они обозначили соглашение элит как важнейший вид политического изменения, представляющего собой достижение компромисса между находившимися до этого в состоянии войны (неограниченной конкуренции) элитными фракциями относительно общих правил и системы сдержек, что обеспечивает поли-

тическую стабильность и выступает необходимым условием перехода к демократии¹⁵. Случай государств Прибалтики практически уникален. В СССР говорить о конкуренции элит на уровне республик практически невозможно (за исключением Советской Украины). Роль Москвы как суперарбитра делала почти невозможной внутриреспубликанскую конкуренцию. Однако для нас важно то, что и после провозглашения и международно-правового признания независимости ситуация изменилась мало. С чем это связано? С нашей точки зрения, постоянное акцентирование объективно имевшихся исторических проблем выполняет функции консервирования антироссийских настроений на уровне элит, получающих политический, а частично и экономический капитал на нагнетании русофобской риторики¹⁶. При этом позиция России сводится к деполитизации экономического сотрудничества, совместной работе над региональными проблемами, выводу дискуссий по сложным историческим вопросам с политического на экспертный уровень. Именно поэтому «члены коммунистической номенклатуры осмысленно пошли на смену режима, конвертировав свой политический капитал в ресурсы частной собственности (приватизация)»¹⁷. По нашему мнению, тезис Д.В. Бадовского о том, что вектор и стадии постсоветских трансформаций связаны не столько с процессом демократизации, сколько с сугубо внутриэлитными интересами, а итогом трансформации является консолидация бюрократической элиты и минимизация межэлитной конкуренции, для государств Прибалтики более очевиден, чем для постсоветского пространства в целом¹⁸.

10. Особое значение для элит Прибалтики имеет «формирование представлений о коллективной (этнической) собственности того или иного этноса (в своей высшей фазе – национальной) на территорию, обозначенную как национальная республика»¹⁹. Эта позиция имеет не только экономическое, но и культурное измерение. Для изучения характера функционирования элит Прибалтики следует использовать и концепцию Рона Айермана: «Культурные травмы – это не вещи, а процессы создания смыслов и атрибуций, длящаяся борьба, в которой разные индивиды и группы стремятся определить ситуацию, управлять ею и контролировать ее»²⁰. Смыслы, создаваемые элитами Прибалтики, неоднозначны. Латвийский эксперт Юргис Лиепниекс справедливо отметил: «Мы не строим политическую нацию. Мы не считаем граждан латышской национальности такими же, как мы, полноценными хозяевами в этой стране»²¹. Однако и это только часть правды. Абсолютное большинство латышей лишены возможности влиять на принятие

экономических и политических решений. Это тоже культурная травма, но уже следующего уровня. Важный элемент функционирования элит – самопрезентация. Политические элиты рассматриваемых государств исходят из того, что «в странах Балтии меньше коррупции, государственного криминала, но больше адекватной и взыскательной реакции населения на действия властей в особенностях социальной жизни эстонцев, латышей и литовцев, которую иногда видят в выработавшихся у них на протяжении веков чертах самостоятельности, индивидуализма, умении сохранять свой личностный суверенитет»²². Никаких фактов, подтверждающих это, нет, а есть самопиар элит, оформленный в одежды национальной исключительности²³. Тем не менее это дало масштабный временной лаг для проведения экономических реформ, далеко не всегда эффективных и порой болезненных. Были воспроизведены черты так называемой рыночной экономики не эпохи экономического роста и формирования устойчивого среднего класса, а стадии трансформации с непредсказуемым направлением и тем более результатом. «Поскольку борьба закончилась победой капиталистической системы, основные институты проигравшего социализма должны быть демонтированы и перестроены в соответствии с дизайном, характерным для системы-победительницы»²⁴. Дизайн экономической системы государств Прибалтики действительно оказался похож, однако экономическая статистика «историю успеха» не подтверждает.

11. Как уже было отмечено, концентрируясь на достижении эффективности управления, элиты неизбежно сталкиваются с проблемой производства таких смыслов, которые будут адекватно восприняты массовыми группами. Именно поэтому определенный эффект дает и консолидация политических элит на «русской угрозе». Политические «сбои» (провал правящих социал-демократов и русофобски настроенных консерваторов на парламентских выборах в Литве, импичмент премьер-министру Эстонии Т. Рыйвасу, основная работа которого заключалась в оглашении анти-русских эскапад) показывают, что в настоящее время это уже не является стопроцентно эффективным методом этнической консолидации с последующей ее конвертацией в голоса избирателей. Все более острым становится вопрос о новых программных целях развития стран Прибалтики. Ведь не могут же антирусские выходы служить смыслом стратегического развития этих республик, некогда имевших неплохие перспективы?

12. В этом отношении действия элит прибалтийских государств пока все-таки соответствуют именно конфликтной модели –

т. е. тактике политического руководства малой страны, присоединившейся к крупному объединению государств и подогревающей напряженность в их отношениях с соседним крупным государством с целью привлечения дополнительных ресурсов и повышения статуса в рамках объединения. Конфликт – неотъемлемая форма взаимодействия между субъектами международных отношений, и малые страны не являются исключением. Более того, ассиметричные отношения нередко дают козыри и в руки более слабой стороны. Следовательно, конфликты могут использоваться малыми странами для достижения своих целей. Таким образом, благодаря росту напряженности и расширению числа вовлеченных в потенциально конфликтную ситуацию западных стран, прибалтийские элиты добиваются решения собственных задач внешней и внутренней политики. Очевидно, эта ассиметричная ситуация создает побочные эффекты, которые выражаются не только в возрастании нестабильности международной системы, но также в росте недоверия внутри Евросоюза. Отказ политических элит Прибалтики от конфликтной модели внешнеполитического взаимодействия может быть вызван лишь существенными сдвигами в системе международных отношений в Европе. Продолжение использования конфликтной модели будет способствовать росту напряженности и недоверия не только в отношениях между Евросоюзом и Россией, но и внутри ЕС, где прибалтийские элиты претендуют на роль «экспертов по России», проводя политическую линию, соответствующую интересам США. По мере разворачивания данная тенденция будет неизбежно провоцировать новые внешнеполитические кризисы в Европе. Кроме того, следует учитывать, что малые страны склонны ошибаться в расчетах и оценке ситуации при проведении внешней политики, т. к. часто имеют недостаточный опыт в мировых делах, ограничены в возможностях сбора информации и организационных ресурсах. Просчеты, особенно в случае масштабных внешнеполитических проектов, могут обернуться конфликтами или подтолкнуть акторов к дальнейшим еще более рискованным действиям. Примером служит международный кризис вокруг программы «Восточное партнерство», ведущая роль в реализации которой была в значительной степени делегирована странам Прибалтики.

Подведем итоги. Вслед за экспертами Международного дискуссионного клуба «Валдай» признаем то, что «консенсус элит считается одним из важнейших условий успешной демократизации. Однако при этом мало внимания уделяется тому факту, что консенсус элит может быть также и ключевым фактором, сдерживающим начало демократических преобразований»²⁵. Приведенный матери-

ал свидетельствует о том, что второй вариант эффекта консенсуса вполне применим для постсоветского пространства, а государства Прибалтики являются классическим примером данной политической практики.

Примечания

- ¹ *Шевцова Л.Ф.* Восточная Европа: «момент истины» еще впереди // Полис. 1991. № 1. С. 80.
- ² *Фурман Д.Е.* Опыт балтийских стран и его значение для России // Страны Балтии и Россия: общества и государства. М.: Референдум, 2002. С. 3–27: Введение.
- ³ См., например: Образ России в литовских СМИ в 2014 г. [Электронный ресурс] // RuBALTIC.Ru. 2014. 18 июня. URL: http://www.rubaltic.ru/infographics/18062014_obraz-rossii/ (дата обращения: 16.11.2016).
- ⁴ *Межевич Н.М.* Государства Прибалтики: Четверть века «вторых республик» М.: Русская книга, 2016.
- ⁵ *Гаман-Голутвина О.В., Клемешев А.П.* О глобальном и локальном измерении элитных трансформаций // Политические элиты в старых и новых демократиях / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, А.П. Клемешева. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2013. С. 7.
- ⁶ *Анкерсмит Ф.Р.* Политическая репрезентация. М., 2012.
- ⁷ Склонность государственных деятелей к написанию трудов по истории не редкость в современном мире, однако в государствах Прибалтики это практически стандартная политическая практика.
- ⁸ *Кахк Ю., Сильвайск К.* История Эстонской ССР. Таллин, 1987. С. 6.
- ⁹ *Лаар М., Валк Х., Вахтре Л.* Очерки истории эстонского народа. Таллин, 1992. С. 8, 9.
- ¹⁰ *Странга А.* Латвия в XX веке в контексте европейской истории [Электронный ресурс] // Вестник Европы. 2001. № 2. URL: http://www.latlat.sitcity.ru/stext_0510223939.shtml (дата обращения: 15.11.2015).
- ¹¹ *Розенвалдс Ю.* Проблема «(де)герметизации» политической элиты Латвии и Эстонии: перспективы русскоязычного меньшинства // Сравнительная политика. 2012. № 3(9). С. 149–161.
- ¹² Финская журналистка: музей оккупации отрицает холокост [Электронный ресурс] // DELFI. 2008. 16 июня. URL: <http://rus.delfi.ee/daily/estonia/finskaya-zhurnalistka-muzej-okkupacii-otricaet-holokost.d?id=19148244> (дата обращения: 12.10.2014).
- ¹³ *Плат К.* Оккупация vs колонизация: история, постколониальность и географическая идентичность: Случай Латвии [Электронный ресурс] // Интелрос. URL: http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz_71/6961-okkupaciya-vs-kolonizaciya-istoriya-postkolonialnost-i-geograficheskaya-identichnost-sluchaj-latvii.html (дата обращения: 11.07.2016).

- ¹⁴ Кантор Ю. Прибалтика: война без правил (1939–1945). СПб., 2011. С. 20.
- ¹⁵ Burton M., Higley J. Elite Settlements // American Sociological Review. 1987. Vol. 52. № 3. P. 295–307.
- ¹⁶ Скачков А.С. О влиянии националистического фактора на политические процессы в государствах Балтии // Россия и мир: Вестник Дипломатической академии МИД России. 2016. № 1 (7). С. 106–122.
- ¹⁷ Смирнов В.А. Политические элиты Латвии, Литвы и Эстонии: факторы рекрутирования и структурная динамика. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2016. С. 22.
- ¹⁸ Бадковский Д.В. Трансформация политической элиты в России – от «организации профессиональных революционеров» к «партии власти» // Полис. 1994. № 6. С. 13.
- ¹⁹ Маркедонов С. Прощание с «постсоветским пространством»? [Электронный ресурс] // РСМД. 2015. 20 июля. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/proshchaniye-s-postsovetским-prostranstvom/> (дата обращения: 10.11.2016).
- ²⁰ Айерман Р. Социальная теория и травма // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 1. С. 125.
- ²¹ Лиепниеки: латыши не считают русскоязычных «полноценными» [Электронный ресурс] // Vesti.lv. 2016. 24 янв. URL: <http://vesti.lv/news/liepnieks-latyshi-ne-schitayut-russkoyazychnyh-grazhdan-polnocennymi> (дата обращения: 25.01.2016).
- ²² Симонян Р.Х. Россия и страны Балтии. М.: Academia, 2003. С. 45.
- ²³ В этом смысле весьма показательным является серьезное исследование экс-премьера Эстонии, многолетнего мэра Таллина Э. Сависаара, в котором тот открыто описывает реальное состояние его страны. По мнению автора, современная Эстония – это «государство-фасад», лишь внешне следующее демократическим принципам. Фиксируя все более глубокий отход от демократических норм, он сравнивает Эстонию с «частной компанией», которой заправляют националистические политики правого толка при активном участии лояльных спецслужб и бизнесменов (см.: Сависаар Э. Правда об Эстонии. Т. 1. Таллин, 2012). За свои выступления Сависаар подвергся, без преувеличения, мощнейшему прессингу со стороны госструктур.
- ²⁴ Малинова О. Другой взгляд на «транзит», или О пользе и вреде повествовательных схем // Космополис. 2002/2003. № 2. С. 97.
- ²⁵ Российская элита – 2020: Аналитический доклад грантополучателей Международного дискуссионного клуба «Валдай». М., 2013. С. 6.